

22 ЯНВ 1941

Поэтический автограф

Как поэт я сформировался на фронте. И неудивительно, что военная тема вошла в плоть и кровь моего творчества.

С мая 1940 года по 2 декабря 1941 года, до последнего дня эвакуации я был в гарнизоне полуострова Ханко, в том самом гарнизоне, который, находясь на 450 километров западнее осажденного фашистами Ленинграда, не дрогнул, не познал отступления, а про-

должал яростно драться с гитлеровцами.

А потом был блокированный Ленинград, сотни дней и ночей жизни на пределе возможного.

Никогда не забуду, как в январе сорок второго где-то на улице Пестеля подобрал на закопченном снегу девочку лет трех-четырёх, без пальтишка, простоволосую. Я распахнул полушубок, и прижал ее к своему телу, и спросил:

— Где твоя мама, девочка?

— Дома, — ответила она.

— А где твой дом? — спросил я.

— Сгорел, — сказала она, еле шевеля губами, и я отнес ее в госпиталь...

Но я видел не только это. Я видел, как цвела земляника на минном поле и как трясогузка высидывала птенцов в гнезде, устроенном над амбразурой артиллерийского капонира.

И понял одну великую мудрость жизни — что надо жить не на зло врагу, а на радость другу.

Об этом я говорю в своих книгах, в своих стихах, и, в частности, в тех, которые предлагаю редакции.

В наше тревожное время желаю всем читателям «Красной звезды» счастья и мира.

Михаил ДУДИН, Герой Социалистического Труда:

В МОЕЙ СУДЬБЕ — ТЕХ ДНЕЙ СЛЕДЫ...

Молодому

однополчанину

Печален я иль
не печален,
Строгая строгую строку,
Я навсегда однополчанин
С тобой по нашему
полку.

И между нами нет
различья,
Мы преисполнены одной
Судьбы достойного
величья
И славы армии родной.

Пусть не касается
усталость
Твоих набравших силы
плеч.
Мне Родину спасти
досталось.
Тебе — всю землю
уберечь.

Мой полк

уходит на ученье

Мой полк уходит
на ученье
К черте маневров
огневой.
Мелькает в грохоте
свеченье
Тяжелой стали броневой.

Старинной памяти
резервам
Сегодня тесно
под замком.
Мой полк особый — он
был первым
Советской Армии полком.

Мела метель врагов
по следу.
В том восемнадцатом
году
Он вырвал первую победу
И выбил первую беду.

Закончив бой, готовясь
в новый,
Усы Фабрициус крутил.
И конь под ним стучал
подковой
И звякал кренделем
удил.

Я целовал полка
святиню —
В победных знаках
красный шелк —
И шел под ним через
пустыню
Двух войн. И к песне
подошел.

В моих ушах — тех дней
раскаты,
В моей судьбе — тех
дней следы.
«Солдаты, в путь!» —
поют солдаты,
На марше выравнивая
ряды.

Мой полк уходит
на ученье.
Грохочет быстрая
броня —
Моя надежда и мученье,
И продолжение меня.

Я воевал, и, зная,
недаром
Война вошла в мои
глаза.
Закат мне кажется
пожаром,
Артподготовкою — гроза.

На взгорье спелая
брусника
Горячей кровью
валилась.
Поди попробуй улови-ка
И объясни мне эту
связь.

Года идут, и дни
мелькают,
Но до сих пор в пустой
ночи
Меня с постели
поднимают
Страды военной трубачи.

Походным маршем
дышат ямбы,
Солдатским запахом
дорог.
Я от сражений этих
сам бы
Освободился, если б мог.

И позабыл во имя мира,
Как мерз в подтаявшем
снегу,
Как слушал голос
командира,
Но — что поделать —
не могу!

Подходят тучи, как
пехота,
От моря серою волной,
И шпарит, как
из пулемета,
По крыше дождик
проливной.

И нет безымянных солдат

Гремят над землею
раскаты.
Идет за раскатом раскат.
Лежат под землею
солдаты.
И нет безымянных
солдат.

Солдаты в окопах шалели
И падали в смертном
бою.

Но жизни своей
не жалели
За горькую землю свою.

В родимую землю
зарыты,
Там самые храбрые спят.
Глаза их Победой
закрыты,
Их подвиг прекрасен
и свят.

Зарница вечерняя
меркнет,
В казарме стоит тишина.
Солдат на вечерней
поверке
В лицо узнает
старшина.

У каждого личное имя,
Какое с рожденья дают.
Равняясь незримо
с живыми,
Погибшие рядом встают.

Одна у нас в жизни
Присяга,
И Родина тоже одна.
Солдатского сердца
отвага
И верность любви отдана.

Летят из далекого края,
Как ласточки, письма
любви.
Ты вспомни меня,
дорогая,
Ты имя мое назови.

Играют горнисты
тревогу.
Тревогу горнисты
трубят.
Уходят солдаты в дорогу.
И нет безымянных
солдат.

Минута

молчания

Когда живущие молчат,
Тогда погибшие кричат.
И не во сне, а наяву
Опять летят через Неву,
Через Неву и на Берлин
Сквозь гром огня
и скрежет льдин,
На левый берег дотам
в лоб
И — кровью собственной
взахлеб.

Собой к Победе мост
мостят.
Они забвенья
не простят.
На горьком памяти —
огне
Они всегда горят во мне.
И жизни завтрашнего
дня
Нет без вчерашнего огня.
Об этом мертвые кричат,
Когда живущие молчат.

Не знаю что —
судьба или подкова
Хранит меня
в плену земных забот?
И в смертный час
я не умру, а снова
Вернусь обратно
в сорок первый год.

Вернусь обратно
в пекло канонады,
В соединенье
братства на крови,
К отмеченным
отсутствием награды —
Однополчанам
жизни и любви.

К тем, первым, павшим
в ночь под воскресенье
Под натиском
кинжального огня.
Они, как о Победе
донесенья,
Возможно,
ждут меня.